

**Истоки и смысл
«восточной
политики»
ФРГ**

К.С.Вяткин

ВОСТОЧНЫЕ ГОРИЗОНТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ГЕРМАНИИ

Завершение периода глобальной конфронтации противоположных систем привело к коренным изменениям в международных отношениях. Параллельно с исчезновением «восточной опоры» конструкции европейской безопасности, возникшей в послевоенные годы в рамках Ялтинско-Потсдамской системы организации мира в Европе, произошло объединение обоих германских государств, в раздельном существовании которых многие усматривали в прошлом определенную гарантию невозможности нарушения регионального (да и глобального) равновесия. Создание единого германского государства стало одним из крупнейших политических событий нашего времени. Между тем обретение Германией государственного единства случилось на протяжении всего существования ФРГ главной целью ее политики, получившей название «восточной». Таким образом, в 1990 г., т.е. в момент объединения Германии, в «восточной политике» ФРГ была поставлена точка (или даже, по мнению ряда политиков и политологов, восклицательный знак).

Насколько известно, не все согласны с подобным утверждением. Некоторые исследователи, в частности, считают наиболее спорным сведение сути «восточной политики» ФРГ к решению германской проблемы.

Рассуждая о том, как соотносятся между собой «восточная» и «германская полигика», следует, как представляется, проводить четкую грань между «германской политикой» в узком смысле, т.е. в смысле отношений между ФРГ и ГДР, так называемых германо-германских отношений, и германским вопросом. Сводить «восточную политику» к некоему дипломатическому обрамлению отношений между двумя германскими государствами, конечно, нельзя.

Иное дело – германский вопрос. Его летопись насчитывает не одно десятилетие. История европейской безопасности практически всего XX столетия – это во многом история поиска приемлемого баланса между решением национальной проблемы немцев, удовлетворительным определением их национально-государственного устройства и интересами других субъектов европейской безопасности и самой европейской системы в целом.

Историка несомненно впечатлит обилие сходств в положении Германии после первой и второй мировых войн – огромные людские потери, колоссальная контрибуция или репарации, отторжение части

территорий, дезорганизация народного хозяйства и, главное, тотальное поражение и вынужденное признание предложенных союзными державами условий мира. Подобно тому, как Версальский мир обусловил внешнюю политику Г.Штрэземана, незаурядного немецкого политика, бывшего в 1923 г. канцлером и вплоть до 1929 г. возглавлявшего министерство иностранных дел Веймарской республики, так Ялтинско-Потсдамская система организации европейского мира предопределила наиболее характерные черты западногерманской «восточной политики». При этом очевидно, что основные принципы внешней политики Штрэземана – восстановление урезанного суверенитета Германии, ее государственной самостоятельности и постепенное расширение пространства политического маневра на основе трезвого учета ее ограниченных возможностей, исключение войны как средства достижения внешнеполитических целей, опора на возрожденное экономическое могущество и, наконец, исключительное внимание отношениям с Россией в сбалансированном сочетании с развитием отношений с западными государствами – безусловно, учитывались западногерманскими правящими кругами страны при формировании «восточной политики» в новых исторических условиях.

Вместе с тем при всем обилии сходств в положении Германии после первой и второй мировых войн, задачи, которые она ставила перед собой, пути и средства их решения принципиально и весьма существенно различались. Главное из этих различий заключалось в уникальности геополитического положения Германии после второй мировой войны. С тех пор разделительная линия между европейским Востоком и европейским Западом прошла по ее территории. Именно отсюда, при всей возможной преемственности, проистекает сущность того феномена, который и получил позднее наименование «восточной политики» ФРГ. Порожденная расколом, эта политика выходила за рамки простой совокупности отношений Западной Германии с государствами, географически расположенными к востоку и юго-востоку от ее послевоенных границ. Ведь подобные отношения развивали и другие государства Запада, такие, к примеру, как Франция и Великобритания. И все же ни одно другое западное государство не уделяло столь значительного внимания Советскому Союзу, не говоря уже о Германской Демократической Республике, как ФРГ.

Разумеется, сами по себе отношения между Востоком и Западом могли быть и, как правило, становились, предметом дискуссий в ходе предвыборных кампаний, скажем, в Великобритании или во Франции. Однако высказывания британских или французских политиков по этому поводу не были одновременно суждениями о самом существовании этих стран. Между тем в ФРГ дело обстоит именно так. Споры по вопросам «восточной политики» были, по сути, и спорами о будущем самой Германии и неизбежности геополитического устройства в Европе после второй мировой войны. На протяжении многих десятилетий в рамках

Ялтинско-Потсдамской системы германский вопрос оставался центральной проблемой европейской безопасности, а раскол Германии был не только содержательным ядром, но и своего рода символом послевоенного устройства мира.

Разрушение Берлинской стены ознаменовало собой завершение той политики, которая была начата при возведении «железного занавеса». Сегодня мы имеем практически всех удовлетворяющее решение германского вопроса. Насколько оно окажется прочным – покажет время. Но самое главное заключается в том, что с политической карты Европы исчез объект традиционной «восточной политики». После окончания «холодной войны» более не существует *политико-идеологического Востока*. Между тем слово «Ост» в термине «Остполитик» («восточная политика») определяло прежде всего идейно-политического антагониста Запада, западной модели мира, что прекрасно понимал, в частности, В.Брандт, являвшийся одной из ключевых фигур «восточной политики» ФРГ и афористично выразивший это понимание словами: «Наша “восточная политика” начиналась на Западе».

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на один документ, сыгравший в свое время исключительную роль в создании политического фундамента «восточной политики» не только социал-демократических кабинетов В.Брандта и Г.Шмидта, но и демохристианского канцлера Г.Коля. Это «документ Бара». Как известно, документов под этим условным названием было несколько. Тот, который здесь имеется в виду, представляет собой рабочий материал по итогам предварительных переговоров между Э.Баром и А.А.Громыко в мае 1970 г. Первые четыре пункта этого документа вошли с незначительными изменениями в текст Московского договора между СССР и ФРГ. Пятый пункт, не включенный в окончательный текст, гласил, что данный договор и соответствующие соглашения между ФРГ и другими социалистическими странами, особенно с Польшей, Чехословакией и ГДР, образуют единое целое. Иными словами, речь шла о договорно-правовом оформлении политики в отношении *социалистического лагеря* во главе с его ведущей державой – СССР.

Социалистического лагеря больше не существует. И сегодня при всем желании нельзя подвести единый знаменатель под те отношения, которые выстраивает ФРГ с бывшими социалистическими странами, не говоря уже о том, что некоторые из них просто перестали существовать. В каком-то смысле, видимо, и сегодня можно говорить о Востоке. Однако он стал настолько разнородным, что вести речь о какой-то цельной «восточной политике» ФРГ едва ли возможно.

**Некоторые
итоги «восточ-
ной политики»
ФРГ**

Сказанное ни в коей мере не уменьшает исторической значимости «восточной политики» ФРГ, важности объективной оценки и всестороннего изучения ее опыта. В связи с этим на первый план выходит рассмотрение успехов этой политики. Подводя ее итоги, в первый

момент невольно ловишь себя на мысли о том, что едва ли уместно говорить о каких-либо «неверных оценках», «неадекватных решениях», «неоправдавшихся прогнозах» и т.д. после триумфальных событий 1990 г. Припоминаются слова первого канцлера ФРГ К.Аденауэра, сказавшего, что успех является конечным мерилom любой политики. Остается, однако, открытым вопрос о критериях успеха.

Здесь было бы уместно обратить особое внимание на опасность для исследователя оказаться во власти ретроспективного детерминизма. Велико может быть искушение рассматривать развитие западногермано-советских, германо-германских отношений, эволюцию всей системы «восточной политики» ФРГ с высоты современного знания о событиях, происходивших на рубеже 80–90-х годов. Нелегко преодолеть соблазн представить события предшествующего исторического периода как звенья одной цепи, которая была спаяна единой логикой, подчиненной достижению поставленной цели. Не удивительно, к примеру, что некоторые биографы восторженно превозносят заслуги Г.Коля в деле объединения Германии и пытаются представить его жизнь как «великое логическое следствие великой политической идеи»¹. Между тем другой, столь же незаурядный западногерманский политик Ф.-Й.Штраус в свое время очень точно подметил: «То, что впоследствии охотно изображается как выдающаяся и целостная стратегия, зачастую не осознается участниками событий в данной конкретной ситуации»².

Это парадоксальным образом относится к фундаментальной проблеме «восточной политики» ФРГ – преодолению германской двугосударственности. Событийная канва советско-западногерманских отношений конца 80-х годов служит тому прекрасной иллюстрацией.

24 октября 1988 г. в Москву с официальным визитом прибыл Г.Коль. Оценивая на заключительной пресс-конференции итоги своего пребывания, федеральный канцлер сказал, что этот визит открыл в книге истории отношений между СССР и ФРГ не только новую страницу, но и целую главу³. Однако и в тот период, будучи убежденным в исторической неизбежности преодоления раскола Германии, Г.Коль еще не рассчитывал на реальную возможность осуществления этого в обозримом будущем. Во время беседы с М.С.Горбачевым, как некогда в разговоре с Ю.В.Андроповым, западногерманский политик вновь предложил советскому лидеру представить себе Москву, разделенную на две части бетонной стеной и колючей проволокой, и заявил, что верит в воссоединение Германии. На пресс-конференции 26 октября на вопрос о том, будет ли он свидетелем объединения Германии, Г.Коль ответил: «По всей вероятности, нет».

Заявленная накануне М.С.Горбачевым позиция по «германскому вопросу» не позволяла сомневаться в том, что так и будет. «Нынешняя ситуация, – сказал советский лидер, – итог истории. Попытки опрокинуть созданное ею или подхлестнуть нереалистической политикой – занятие непредсказуемое и даже опасное»⁴. Влиятельная американская «Wall

¹ Один из выразительных примеров тому – биография Коля, написанная известным немецким историком В.Мазером (Мазер В. Гельмут Коль. Биография. М., 1993). Выражение в кавычках принадлежит М.Алданову.

² Штраус Ф.-Й. Воспоминания. М., 1991. С. 238.

³ Известия. 28. 10. 1988.

⁴ Правда. 25. 10. 1988.

Street Journal» прокомментировала позицию сторон риторическим вопросом: «Западные немцы пошли на предоставление кредита в 3 млрд марок... Если Советам уже в нынешних условиях удалось добиться подобной финансовой помощи от Западной Германии, то почему же они тогда должны ликвидировать Стену?»⁵.

⁵ Цит. по:
Die Welt.
25. 10. 1988.

Ответный визит М.С.Горбачева в Бонн состоялся в июне 1989 г. По его итогам было подготовлено Совместное заявление. В своем выступлении советский лидер обратил особое внимание на то, что «это первый документ такого характера и масштаба, в котором два крупных европейских государства, принадлежащих к различным системам и союзам, попытались философски осмыслить суть переживаемого сегодня мировым сообществом момента и совместно очертить цели своей политики»⁶.

⁶ Визит
Генерального
секретаря ЦК
КПСС,
Председателя
Верховного
Совета СССР
М.С.Горбачева
в ФРГ,
12–15 июня 1989 г.
М., 1989. С. 19.

Помощник федерального канцлера по вопросам внешней политики Х.Тельчик, ставший в конце 80-х годов одной из ключевых фигур «восточной политики» ФРГ, обстоятельно проанализировал после визита Горбачева в Бонн перспективы отношений между Востоком и Западом и пришел, в частности, к выводу о том, что опасно «в неподходящее время выдвигать максималистские требования». Неразумно, с его точки зрения, ставить экономическую помощь и сотрудничество с Востоком в зависимость от трансформации системы. Тот, кто это делает, утверждал советник канцлера, фактически требует открыто признать банкротство этой системы. Гораздо разумнее было бы предложить диалог и сотрудничество с тем, чтобы реформы были проведены успешнее. При этом он указывал на неизбежную взаимосвязь: реформы облегчают сотрудничество и расширяют возможности для него. Кому же, по мнению Х.Тельчика, должны быть адресованы «диалог и сотрудничество»? Естественно тем, от кого может зависеть успех: «Запад должен остерегаться иллюзии, что в его власти суметь привести к успеху такие реформаторские процессы, – продолжал Х.Тельчик. – Ответственными за успех или неуспех остаются ответственные руководства (курсив мой. – К.В.) в этих странах». И далее он констатировал: «Направление и динамика [реформ] в значительной степени определяются внутренними нуждами и потребностями этих систем»⁷.

⁷ Teltchik H.
*Die Reformpolitik
Gorbatschows und
die Perspektiven der
West-Ost-Beziehungen //
Aussenpolitik*.
1989. № 3. S. 224.

Незадолго до того, как Х.Тельчик представил свой анализ перспектив развития отношений между Востоком и Западом, была опубликована статья видного западногерманского историка, христианского демократа Х.-П.Шварца. В ней, в числе прочего, утверждалось: «Не только социал-демократы позволили убедить себя номенклатуре в Праге, Варшаве, Москве и Восточном Берлине, что мир в Европе можно обеспечить только в том случае, если внутреннее устройство в этих странах останется в основе своей неизменным. Хотя реформы и либерализация объявляются желательными, однако нет достаточного мужества и верности принципам, чтобы осознать... что

конечной целью должна быть фундаментальная смена систем – причем потому, что этого все больше желает население этих стран»⁸.

Можно, видимо, не соглашаться с мнением автора, кто кого убедил в том, что мир в Европе зависит от сохранения в восточной ее части «реального социализма», или, иными словами, что существует непосредственная взаимосвязь между «стабильностью» в международных отношениях и внутривосточной «стабилизацией». Иной раз создается впечатление, что западногерманские политики в гораздо большей степени сами убедили себя в этом, нежели поддались внушению извне. Можно подискутировать и по поводу «все большего» стремления населения стран Восточной Европы к фундаментальным системным переменам. Было ли, к примеру, это желание у поляков в 1980–1981 гг. слабее, чем летом 1989 г.? Однако с основной мыслью немецкого историка следует, пожалуй, согласиться. Правящие круги ФРГ, и прежде всего представители партии власти, ХДС, проявили крайнюю непоследовательность в отстаивании декларируемых ими на протяжении десятилетий принципов и оказались не готовы к тому, чтобы в решающий момент поддержать подлинно демократические устремления народов ряда стран Восточной Европы, нацеленные на радикальное изменение тоталитарных систем.

Совместное советско-западногерманское заявление стало, как представляется, своего рода резюме «восточной политики» ФРГ. Этот документ содержал представление правящих кругов западногерманского государства о том, как могут и должны развиваться события в перспективе 2000 г. Отношения между Бонном и Москвой были к этому периоду, пожалуй, наилучшими за всю предшествующую историю ФРГ. Страницы «новой главы» заполнялись конкретным содержанием. В экономической области ФРГ стала важнейшим из западных партнеров СССР. Взамен здесь, конечно, ожидали уступок от Советского Союза по «германскому вопросу». И вновь для Г.Коля и Г.–Д.Геншера, как и для их предшественников, в конце символического пути из Бонна в Москву лежал Берлин, где продолжал самоуверенно править не желавший «перестраиваться» Э.Хонеккер. Одним из итогов «восточной политики» стало то, что и в конце 80-х годов боннское руководство опять было вынуждено решать задачу, стоявшую в свое время еще перед В.Брандтом и Э.Баром: как с помощью Москвы, официально ни на йоту не отступившей от принципа мирного сосуществования двух различных общественных систем (см., в частности, текст Совместного заявления), оказать надлежащее воздействие на «упрямый» Восточный Берлин. Ведь Х.Тельчик писал по завершении визита М.С.Горбачева в Бонн: «Если германский вопрос понимать прежде всего как отстаивание прав человека и права на самоопределение для всех немцев, то для этого будет шанс только тогда, когда в самом Советском Союзе пойдет такое развитие и этот процесс перейдет на его союзников» (курсив мой. – К.В.)⁹. Как в свое время

⁸ Schwarz H.-P. Auf dem Weg zum post-kommunistischen Europa // Europa-Archiv. 1989. № 11. S. 326.

⁹ Teltchik H. Op. cit. S. 223.

Э.Бар, так теперь Х.Тельчик до последнего момента рассчитывал на то, что изменения будут инициированы и реализованы «сверху».

Конечно, боннское правительство воспринимало «сигналы», поступавшие с улиц восточногерманских городов, заполненных демонстрантами и митингующими. Однако оно всеми силами стремилось придерживаться своего прежнего курса – не провоцировать дестабилизацию, а, напротив, налаживать диалог с властью предрежащими в Восточном Берлине и поддерживать дальнейшее существование второго немецкого государства. Так, например, в письме, направленном Э.Хонеккеру 14 августа 1989 г., Г.Коль утверждал, что «интерес федерального правительства и мой глубоко личный интерес остается в том, чтобы продолжать развивать отношения разумным образом, как мы договорились об этом во время Вашего визита два года назад»¹⁰. Выступая в Бундестаге в начале сентября, Г.Коль назвал отношения между двумя немецкими государствами «существенным элементом стабильности в Европе» и недвусмысленно предостерег: «Тот, кто подвергает это опасности, должен знать, какие последствия это могло бы иметь для всех участников»¹¹. Наконец, был задействован и проверенный канал Шойбле – Шальк-Голодковский, с помощью которого удалось быстро установить контакт с преемником Э.Хонеккера Э.Кренцем и договориться о телефонном разговоре руководителей двух немецких государств. Когда в разговоре 26 октября 1989 г. канцлер пожелал восточногерманскому лидеру «легкой руки и больших успехов» и заверил в своей исключительной заинтересованности «в спокойном, разумном развитии», то речь, как и прежде, шла лишь о мирном сосуществовании и проведении реформ во все еще недемократическом государстве¹².

Судя по всему, такой подход во многом совпадал с представлениями президента СССР М.С.Горбачева. Как известно, придя к власти, он попытался использовать последний предоставленный историей шанс модернизировать советское государство и реформировать социализм в целом. Решение реальных проблем, оказавшихся гораздо многообразнее и объемнее первоначального представления о них, потребовало значительного сокращения расходов на вооружения и развития кооперативных отношений с Западом. Это, в свою очередь, повлекло фундаментальную ревизию идеологических основ советской внешней политики. Были провозглашены принципы примата общечеловеческих ценностей, отказа от применения силы, невмешательства во внутренние дела, свободного выбора, которые должны были быть фундаментом взаимоотношений всех государств, в том числе и стран социалистического содружества.

Внешнеполитический аспект перестройки неизбежно затрагивал основы существования конфронтационного мира, внося в него динамику развития с далеко идущими последствиями. Сознательно приводя в движение совокупность межгосударственных отношений, инициаторы перестройки должны были считаться с тем, что начатые ими изменения в мире не смогут обойти стороной и наиболее чувствительные участки, даже если они будут декларативно объявлены «заповедными» зонами.

¹⁰ *Zentrales Parteiarchiv, J IV 2/2A/3234.*

¹¹ *Texte zur Deutschlandpolitik III/7. Bonn, 1990. S. 232.*

¹² *См. Putthoff H. Die Koalition der Vernunft. Deutschlandpolitik in den 80er Jahren. Bonn, 1995. Dokument Nr. 83.*

¹³ Правда.
5. 07. 1990.

¹⁴ Шеварднадзе Э. А.
Мой выбор.
В защиту
демократии и
свободы.
М., 1991. С. 196.

Впоследствии бывший министр иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе не раз утверждал, что «в принципе мы предвидели» события в странах Восточной Европы¹³. Однако это было недостаточно реалистическое предвидение. «Мы сказали трудную и горькую правду о себе, – писал Шеварднадзе. – И ждали, когда руководители союзных стран будут готовы к тому же»¹⁴. Наиболее приемлемой стратегией, с точки зрения советского руководства, было именно это пассивное «ожидание», надежда на то, что в восточноевропейских странах возьмут-таки верх коммунисты-реформаторы. Ни Горбачеву, ни его министру иностранных дел не хватало ни времени, ни сил, чтобы всерьез заниматься Европой, социалистическими странами и уж тем более отдельно ГДР. Руководящие указания из Москвы сводились к ряду броских популярных лозунгов. Новые идеи и концепции были явно в дефиците. В результате одним из наиболее серьезных упущений советской внешней политики стала как раз Центральная Европа, точнее – германская проблема.

Рухнув в одночасье, «реальный социализм» не оставил руководству ГДР и СССР времени для подготовки к новому урегулированию положения в центре континента. В этих условиях губительную роль сыграло практически полное отсутствие предварительно разработанных «заготовок» на любой вариант развития ситуации. Даже располагая достаточно точной информацией о подлинных настроениях населения ГДР и об истинном положении в ее экономике¹⁵, советское руководство не нашло иного способа подготовиться к надвигающейся катастрофе, кроме как занять позицию «непротivления злу». Сам по себе верный принцип невмешательства во внутренние дела партнера был доведен едва ли не до абсурда, хотя нетрудно догадаться, что в случае взрыва в ГДР все ее внутренние дела станут внешними, и оказать влияние на их развитие не попытается разве только самый пассивный и недалекновидный. По-видимому, западная, в том числе и западногерманская, дипломатия оказалась в этот решающий исторический момент менее опрометчивой, более изобретательной и способной просчитывать хотя бы ближайшие последствия принимаемых решений.

Разрушение Берлинской стены под натиском массовых демонстраций жителей ГДР 9 ноября 1989 г. оказалось совершенно неожиданным для советского руководства. Недели спустя М.С.Горбачев все еще не рассматривал германское объединение как насущную проблему. Его бездействие не было обусловлено, как утверждают некоторые, стремлением не раздражать консерваторов в своем окружении. Оно было порождено надеждой на то, что руководство ГДР при Э.Кренце окажется способным провести политические и экономические реформы, необходимые для спасения социалистической ГДР. По всем действиям Горбачева в тот критический период видно, что он не желал крушения ГДР, стремился сохранить ее, предпочитая определенный риск подконтрольного, как предполагалось, процесса реформ угрозе взрывообразного роста оппозиционных настроений.

¹⁵ См., например,
Кузьмин И. Н.
Крушение ГДР.
История.
Последствия.
М., 1996.

Однако действия советского лидера были крайне нерешительны и непоследовательны. Разумеется, речи не могло быть о том, чтобы навязывать ГДР реформы по перестроечному образцу. Следовало, однако, по меньшей мере, откровенно высказать собственное мнение по поводу того, что делалось или, наоборот, не делалось руководством ГДР. Именно этого тщетно ждали от советского лидера все, кто пытался добиться обновления социализма в республике, а не его простой замены на капитализм (а таких было не так мало). Одна из причин краха усилий революционных реформаторов в ГДР – молчание советского руководства, компрометировавшее политику СССР («уж если Советы сами не решаются защищать ГДР...») и ставившее под вопрос его ведущую роль в мире в качестве одной из двух сверхдержав.

Судя по всему, восточногерманские лидеры, отметавшие с порога любые «перестроечные» тенденции, довольно неплохо чувствовали себя в «обновленном» социалистическом содружестве и правили бы, наверное, до сих пор, если бы народ не вышел на улицы, чтобы самому решить свою судьбу. Поскольку в условиях «реального социализма» мнение народа не было определяющим фактором практической политики, вердикт, непрошено вынесенный населением ГДР, оказался совершенно неожиданным для руководства республики, пришедшего на смену команде Э.Хонеккера, не говоря уже о советском руководстве, считавшем, что если Э.Кренца «благословил» М.С.Горбачев, если обещаны экономические реформы и демократия, то «вопрос закрыт». На самом деле «закрытие» германского вопроса еще только предстояло.

В условиях революционных выступлений широких масс М.С.Горбачев, вопреки мнению многих своих советников, осознал неизбежность объединения ГДР и ФРГ и не пытался его остановить. Это можно было сделать лишь с помощью танков, да и то успех не был гарантирован (зато можно представить себе поистине катастрофические последствия приказа об использовании военной силы).

Таким образом, М.С.Горбачева вынудила признать неизбежность объединения Германии не столько «восточная политика» ФРГ, сколько всеохватывающий кризис «социалистического содружества». В связи с этим нет достаточных оснований и для утверждения, что объединение Германии стало непосредственным результатом политического курса ФРГ. В данном случае было бы уместно напомнить известную максиму римского права: *Post hoc non propter hoc*¹⁶. Вопреки ожиданиям большинства ведущих западногерманских политиков объединение Германии произошло не в результате постепенного изменения европейского политического ландшафта, а в итоге революционной трансформации системы международных отношений вследствие глубочайшего всеобъемлющего кризиса «социалистического содружества». Воздействие «восточной политики» не было самодостаточным. Сама по себе она едва ли могла подвести к объединению. Не случайно такой авторитетный специалист по вопросам «восточной политики», как Г.Шмидт, откровенно

¹⁶ После этого, но не вследствие этого (лат.).

¹⁷ Die Zeit.
28. 01. 1994.

отмечал в этой связи, что «без процесса внутреннего распада СССР в 1990 г. объединение [Германии] было бы невозможно»¹⁷.

Справедливости ради следует, однако, сказать, что наиболее существенный вклад «восточная политика» внесла в развитие взаимоотношений ФРГ и Советского Союза и в создание благоприятного политического климата в Европе. «Важнейшая задача» установления хороших отношений с «ведущей восточной державой» (как ее сформулировал в 1983 г. тогда еще будущий президент ФРГ Р.фон Вайцзеккер) была выполнена вполне успешно. Результаты всесторонних целенаправленных усилий ФРГ в этой области не остались незамеченными советскими учеными. Они нашли отражение в целом ряде концептуальных разработок и документов, которые подготовили в 1990 г. институты Академии наук СССР для М.С.Горбачева и его внешнеполитических советников. Основная идея этих документов заключалась в том, что объединение Германии не противоречит интересам Советского Союза, возникновение военной угрозы на этом направлении маловероятно, так как в сознании немецкой нации произошли радикальные перемены, а вот в сфере экономики Советский Союз мог бы извлечь колоссальную выгоду, развивая сотрудничество и взаимодействие с объединенной Германией. Спустя 45 лет после окончания второй мировой войны Западная Германия сумела убедить ведущих советских политиков в том, что она не представляет более угрозы для Советского Союза и, напротив, превратилась в одного из основных и наиболее многообещающих его экономических партнеров. В данном случае можно говорить о том, что успех был достигнут так, как и было запланировано.

**Объединенная
Германия,
Европа и
Россия**

По мере неуклонного преодоления трудностей, связанных с государственным объединением, Германия все решительнее становится одним из важнейших действующих лиц в мировой политике. Она стремится к превращению уже в обозримом будущем в мировую державу, способную претендовать на новую политическую роль. В результате объединения Германия сумела войти в качестве важного компонента в сложные отношения, складывающиеся между США и Европейским Союзом (ЕС), Россией и ЕС, Россией и НАТО (и таким образом опосредованно – государствами Центральной и Восточной Европы), Россией и странами СНГ и Балтии. Практически все они рассматривают ее в качестве желанного партнера или даже союзника.

Вместе с тем объективное возрастание в результате объединения потенциала Германии и усиление ее роли в Европе и мире в целом неоднозначно воспринимается международным сообществом. Для одних это служит основанием для надежды на более эффективное участие ФРГ в разрешении ряда насущных международных проблем, для других – источником беспокойности возможным установлением германской гегемонии на европейском континенте. В этих условиях германское руководство пока вынуждено осторожно балансировать между теми, кто

выступает за надделение страны большей экономической, политической и военной ответственностью на международной арене, и теми, кто всерьез опасается ее жесткого доминирования в Европе. Последнее обстоятельство в значительной степени обусловлено тем, что Германия как единое государство все еще переживает стадию становления. Общество, экономика и политика находятся на переломе, внешняя политика проходит фазу формирования. Дальнейшая эволюция внешней политики страны будет происходить по мере решения проблем, связанных с объединением.

До последнего времени можно было утверждать, что внешняя политика объединенной Германии продолжает развиваться в русле традиций прежней ФРГ. Видимо, и в дальнейшем ее внешнеполитическая стратегия будет выстраиваться на базе подходов, которые разработала и апробировала Западная Германия, однако с неперменным учетом объективного усиления роли этой страны на международной арене, а также новой ситуации, складывающейся как внутри Германии, так и на востоке европейского континента.

Конечно, новое геостратегическое положение Германии в Центральной Европе – такой же не подлежащий сомнению факт, как и вытекающее из него следствие, а именно: постепенное усиление ориентации германской внешней политики на посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы. В настоящее время объединенная Германия восстанавливает свою историческую роль в качестве державы Центральной Европы, для которой интересы на Востоке не менее важны, чем на Западе. Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что институциональные связи ФРГ с Западом отнюдь не утратили своей значимости после исчезновения «послеялтинской» Европы. Успешное решение сложных внешне- и внутривнутриполитических проблем, вставших перед Германией, требуют надежного тыла, опоры на союзников. Поэтому НАТО и ЕС по-прежнему чрезвычайно важны для ФРГ. Не случайно строительство единой Европы входит в число приоритетных задач, которые, с точки зрения канцлера Г.Коля, предстоит решить объединенной Германии. Именно поэтому на Западе она продолжает выступать основной движущей силой европейской интеграции.

Конечно, едва ли верно интерпретировать интеграционные усилия Германии как хитрую уловку, некий тактический ход, нацеленный на обеспечение «западных тылов» для развертывания экспансии, в том числе и экономической, на Восток. Вместе с тем не стоит приписывать ныне действующим германским политикам мышление в качественно новых политических категориях. Национальное государство, «самое европейское в Европе», по словам Шойбле, ближайшего сподвижника бывшего немецкого канцлера Коля, остается для них одной из центральных политических категорий. «Мы должны быть реалистами, – утверждал В.Шойбле. – Соединенных Штатов Европы, насколько мы можем сегодня судить, не будет. Европейский Союз останется многонациональным сообществом... Но и во все более тесно срастающейся Европе по-прежнему будут иметь место различия в интересах между отдельными государствами»¹⁸.

¹⁸ Schäuble W. *Bewährungsprobe der Normalität. Rede zur deutschen Außenpolitik // Berlin. 18. 06. 1997. S. 7.*

В сознании представителей политической элиты ФРГ прочно укоренилось представление о том, что «особый путь» страны – это верное средство спровоцировать гибельное для нее самой и всей системы европейской безопасности противостояние сильной, но изолированной Германии объединенной коалиции европейских государств. В этом смысле по-прежнему значимой остается реалистичная, хотя на первый взгляд и парадоксальная, формулировка бывшего министра иностранных дел ФРГ Г.-Д.Геншера: «Наша внешняя политика тем более национальна, чем более европейской она является»¹⁹.

Гармонизации германских и европейских интересов до некоторой степени способствует то обстоятельство, что Германия пока достаточно последовательно придерживается принципа многосторонности во внешней политике, который предусматривает принятие коллективных решений на основе консенсуса в международных структурах. Политические лидеры страны, усвоившие правила демократического общежития, традиционно используют данный принцип как механизм реализации национальных интересов. Это, к примеру, отчетливо проявляется в активных усилиях ФРГ, направленных на скорейший прием Польши, Венгрии, Чехии, Словакии и трех прибалтийских республик в ЕС, а первых трех государств – и в НАТО.

Взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) входит в число приоритетных задач внешней политики ФРГ. Вакуум, возникший в результате распада СЭВ, ОВД и последовавшего затем фактического самоустранения России из региона ЦВЕ, Германия целеустремленно использует для усиления собственного экономического, политического и военного присутствия в регионе, учитывая, в частности, огромную заинтересованность этих государств в содействии их развитию в различных областях. Польша, Венгрия, Чехия, Словакия, Словения – это для Германии прежде всего зона прямого использования местной рабочей силы и производственных мощностей (перенос смежных производств, размещение заказов на комплектующие для последующей сборки в Германии, наконец, постепенный перевод в эти страны немецких фирм с целью удешевления стоимости продукции). Данный процесс активно сопровождается инвестициями во внедрение новых технологий, обновление производственных мощностей, модернизацию инфраструктуры, обучение персонала. Сегодня именно этот регион стал основной зоной немецкого инвестирования, тогда как ранее главные капиталовложения направлялись в страны Юго-Восточной Азии. По некоторым данным, инвестиции в ЦВЕ составляют примерно десятую часть всех прямых зарубежных капиталовложений ФРГ (для сравнения: в 1989 г. доля германских инвестиций в регионе составляла 0,4 %).

В политической и военно-политической области Германия ориентируется на перспективное включение ЦВЕ в систему западных союзов. Наряду с этим ФРГ делает акцент и на углублении двусторонних военных связей со странами региона, готовит для них договорную основу²⁰. Следует иметь в виду, что Германия – единственное

¹⁹ Доклад Г.-Д.Геншера в Вене 14. 09. 1989. См. Der Bundesminister des Auswärtigen. Mitteilungen für die Presse. 1989. №1134.

²⁰ Одно из последних подтверждений этого – подписанный 24 сентября 1997 г. в Ной-бранденбурге (ФРГ) документ о взаимодействии частей ВВС Германии, Дании и Польши. Он, в частности, предусматривает совместное проведение боевой подготовки военнослужащих трех стран, а также мероприятия по обмену опытом и командирование офицеров в части партнеров. К 1999 г. предполагается окончательно оформить Северо-Восточный корпус, в который войдут германская, датская и польская дивизии, а штаб разместится в Щецине. При этом у некоторых наблюдателей складывается впечатление, что планируемый вывод данного корпуса из-под юрисдикции НАТО может преследовать цель обойти ограничения, которые накладываются на альянс соответствующие положения Основного акта Россия – НАТО.

государство—член НАТО, имеющее общую границу с Польшей и Чехией, к которым, в свою очередь, примыкают Венгрия и Словакия. Это, с точки зрения ФРГ, является благоприятным фактором для наращивания практического взаимодействия с указанными странами в таких областях, как совершенствование военной инфраструктуры, проведение совместных учений и т.д. Германия располагает для этого всеми необходимыми предпосылками.

Основные цели, которые в данном случае преследует Германия, достаточно очевидны. ФРГ заинтересована в том, чтобы:

- использовать усиление позиций в данном регионе для укрепления своего политического, экономического, военного влияния в Европе;
- создать на восточной границе германского государства зону военно-политической и экономической стабильности;
- обеспечить базу для дальнейшего продвижения на Восток, в частности, на рынки СНГ и России;
- исподволь (поскольку официально такая задача не формулируется) включить в сферу преимущественно немецкого влияния исторические германские земли на Востоке (Силезию, Померанию, Судеты, Восточную Пруссию).

Последний пункт невольно заставляет задуматься о том, насколько надежно и окончательно решена проблема национально-государственного устройства немцев. Сегодня, казалось бы, уже никто не ломает голову над, образно выражаясь, «проклятым» вопросом, который некогда горестно задавал Фридрих Шиллер: «Германия? Но где она лежит? Я не сумею найти эту страну». Ныне границы Германии четко определены и зафиксированы в договорах, подписанных по формуле «2 плюс 4». И все же, как представляется, в данном случае доля здорового скептицизма пойдет лишь на пользу.

В связи с этим уместно сослаться на мнение К.Аденауэра. Во введении к изданию своих воспоминаний первый канцлер ФРГ изложил состоявшийся у него однажды разговор с неким профессором истории. На вопрос о том, как профессор мыслит себе развитие, последний ответил, что предвидеть развитие не является его задачей, ибо историк не предсказатель. Аденауэр заметил тогда, что придерживается иного взгляда. Задача историка, по его мнению, состоит в том, чтобы хотя бы в общих чертах представлять вероятное развитие событий и, «может быть, даже предостерегать»²¹.

Территориальный вопрос — это одна из проблем, где, как это ни парадоксально и, быть может, даже слегка шокирующе звучит, было бы уместно подобное «предостережение». Есть немало регионов в бывшей Восточной Европе, Югославии, Советском Союзе, где вопрос о границах и территориях вновь стал открытым. Различные аспекты этой проблематики в той или иной степени занимают многих немецких историков и политологов. Одним из убедительных подтверждений этому служит пространный диалог влиятельного политического издателя В.Зидлера и известного историка А.Баринга, изданный в виде книги в

²¹ Adenauer K. *Erinnerungen. 1945–1953.* Stuttgart, 1986. S. 13.

начале 90-х годов. В книге уделено значительное внимание обсуждению проблем и перспектив взаимоотношений объединенной Германии с ее восточными соседями. Факт, на который в данном случае хотелось бы обратить особое внимание, заключается в том, что собеседники, хотя и чисто умозрительно, рассматривают проблемы и задачи так называемой «новой восточной колонизации». О землях, непосредственно расположенных ныне к востоку и юго-востоку от границ ФРГ, А.Баринг говорит ни много ни мало как о «совместных территориях (gemeinsame Territorien. – К.В.), если уж на то пошло»²². В данном контексте было бы уместно напомнить проникнутое трезвым реализмом высказывание У.Черчилля: «Однажды немцы захотят вернуть свои территории, а поляки не будут в состоянии им в этом помешать»²³.

²² Baring A. *Deutschland, was nun?* Berlin, 1991. S. 40.

²³ Churchill W.S. *The Second World War. Bd.VI: Triumph and Tragedy.* London, 1954. P. 561.

Для определенного беспокойства есть некоторые объективные основания, так как сотрудничество сильных (Германия) и более слабых (Польша, Чехия) государств при наличии между ними исторически спорных территорий является в высшей степени деликатным процессом. Трудно заподозрить в неискренности или злом умысле тех немецких политиков, которые выступают за создание так называемых «евро-регионов» в пограничных областях, в частности, между Баварией, Саксонией и Богемией, Саксонией и Нижней Силезией, Мекленбургом (Передней Померанией) и Померанией. В отношении восточных соседей теперь уже объединенной Германии они, среди прочего, отстаивают принцип, который в свое время удалось реализовать в отношении соседей ФРГ на Западе, – сделать границы более «прозрачными», нивелировать их разделяющий характер. Не следует, однако, упускать из виду одно обстоятельство: регионализм в условиях современной Восточной и Юго-Восточной Европы объективно представляет собой несколько иной феномен и может, соответственно, иметь иные последствия, нежели в условиях Западной Европы с ее глубоко укоренившимися традициями стабильных национальных государств.

Что касается России, то здесь необходимо упомянуть о такой проблеме, как будущее Калининграда и прилегающей к нему области. Еще в марте 1988 г. один из авторитетнейших западногерманских банкиров Ф.-В.Кристианс в беседе с тогдашним главой советского правительства Н.И.Рыжковым выдвинул идею о превращении данной области в особую экономическую зону, некий, как он выразился, «Балтийский регион К.» (примечательная двусмысленность, учитывая прежнее название Калининграда – Кoenigsberg)²⁴. В советской, а затем и в российской прессе в начале 90-х годов активно и с разных точек зрения обсуждался вопрос о будущем Калининграда. И нужно сказать, что тому, кто внимательно следил за развернувшейся дискуссией, не показалось бы совершенно нереалистичным предположение, что в какой-то момент и при определенных условиях Россия могла бы «сдать» Калининград в обмен на некоторую сумму в твердой валюте и обещания Запада (например, ЕС с его франко-германским «мотором») более активно развивать сотрудничество с ней. Поступи от России такое

²⁴ *Süddeutsche Zeitung.* 27. 10. 1989. См. также предисловие к: Christians F.Wilhelm. *Wege nach Russland. Bankier im Spannungsfeld zwischen Ost und West.* Hamburg, 1989. S. 14.

23 Как иначе можно интерпретировать, к примеру, то, что ряд германских неправительственных организаций объединены в Прусский национальный конгресс; что во фракции ХДС/ХСС в бундестаге создана рабочая группа «Северная часть Восточной Пруссии», в задачу которой входит, в числе прочего, разработка путей расширения германского влияния в регионе; что из недр парламентской фракции СвДП вышел документ «Новые тенденции и сотрудничество в Балтийском регионе. Немецкая перспектива», в котором подчеркивается «историческая германская ответственность в отношении Калининградской области», совместимая с интересами прилегающих государств? Что, наконец, имел в виду В.Шойбле, утверждая, что Совет государств Балтийского моря способствует развитию регионального сотрудничества между Балтийскими государствами и регионами С.-Петербурга, Пскова и Кенигсберга? В России региона Кенигсберг еще нет.

предложение, едва ли немцы бы отказались, хотя, скорее всего, снабдили свое согласие ставшей уже традиционной для (западно) германской дипломатии оговоркой о «европейских рамках».

Сегодня официальный Бонн занимает по данному вопросу достаточно взвешенную и осторожную позицию. Это, однако, не может затушевать тот факт, что отдаленные представители депутатского корпуса, интеллектуальной и финансово-промышленной элиты страны продолжают открыто (и порой весьма энергично) выступать с собственными проектами развития Калининградской области, объективно нацеленными на размывание (а в перспективе, возможно, и полную ликвидацию) российского суверенитета²⁵. Все более откровенны попытки Германии использовать общеевропейские интеграционные процессы для оказания преимущественного влияния на судьбу города и области, а в будущем, не исключено, эволюционным путем — на фоне, увы, еще вполне реальной перспективы дальнейшего нарастания экономических трудностей в России — изменить их нынешний статус в свою пользу.

В целом, как представляется, политика Германии на восточном направлении нацелена на создание под своей эгидой устойчивого регионального формирования, обеспечивающего ей лидирующие позиции в Европе. При этом, как отчасти уже было отмечено, со всей очевидностью просматривается стремление расширить центральноевропейские рамки создаваемой таким образом геополитической конструкции за счет ряда бывших советских республик. Тенденции такого рода таят в себе немало угроз с точки зрения перспектив развития российско-германских отношений. В частности, в последнее время весьма часто уже и официальными лицами ФРГ (правда, пока еще в неофициальной обстановке) зондируется вопрос о так называемой «второй волне» расширения НАТО, т.е. о принятии в союз трех прибалтийских государств.

Потенциально еще более острая, но остающаяся пока в тени проблема российско-германских отношений — политика ФРГ в отношении Украины, способствующая не столько сближению и сотрудничеству последней с государствами СНГ, и в первую очередь с Россией, сколько вовлечению Киева в орбиту тесного взаимодействия с западными группировками. Так, не может не настораживать заявление министра иностранных дел ФРГ К.Кинкеля, посетившего осенью 1997 г. Украину, о том, что эта страна уже находится «в прихожей» НАТО.

ФРГ взяла и, очевидно, намерена продолжать курс, направленный на поддержку начатых в России преобразований и «дозированное» подключение ее к более глубокому сотрудничеству в рамках западных политических и экономических структур (в частности, создание зоны свободной торговли с ЕС, членство во Всемирной торговой организации, Парижском клубе государств-кредиторов, учреждение нового консультационного механизма «Группы восьми») с целью получения надежных рычагов воздействия на внешнюю и внутреннюю политику страны.

Одновременно Германия пытается закрепить европейскую ориентацию России. В рамках долгосрочной политической стратегии ФРГ прослеживается стремление максимально нейтрализовать у руководства России чувство изолированности, упрочить, по крайней мере, формально обоснованное ощущение активной сопричастности с процессами на европейском континенте. Этим, в частности, объясняется продемонстрированная недавно готовность германского канцлера к созданию некой новой конструкции в рамках общеевропейского сотрудничества в форме «треугольника» Париж – Берлин – Москва. В стратегическом плане ФРГ, опираясь на опыт послевоенной политики Запада и прежде всего США в отношении Западной Германии и Японии, исходит из необходимости достижения и институционального закрепления максимально выгодных для Запада в целом и для Германии в частности долгосрочных договоренностей с Россией. Проведение такой линии стимулируют, в числе прочего, опасения, что нестабильность в России может привести к возникновению крупнейшего очага напряженности в непосредственной близости от Германии. Существенную роль играет и желание обрести реальные гарантии того, что Германия, пусть и в отдаленной перспективе, получит назад деньги, предоставленные России в качестве кредитов (по некоторым данным, их сумма достигает 65 млрд марок). Следует, наконец, учитывать и тот факт, что Германия заинтересована в поддержке со стороны России, в частности, в таком вопросе, как предоставление ФРГ места постоянного представителя в Совете Безопасности ООН.

Вместе с тем будут, видимо, предприниматься активные усилия, направленные на то, чтобы воспрепятствовать созданию на постсоветском пространстве политически и экономически самостоятельной коалиции государств во главе с Россией, способной оказывать значительное влияние на ситуацию в мире.

Практика германо-российских отношений последних лет отчетливо выявляет тенденцию к снижению внешнеполитической значимости для ФРГ России, внутренне недостаточно стабильной и малопредсказуемой, а в торгово-экономическом отношении, по меньшей мере в краткосрочной перспективе, менее привлекательной, чем страны ЦВЕ.

В целом, как представляется, внешняя политика ФРГ в период канцлерства Г.Коля в значительной мере выработывалась под влиянием преимущественно лояльной к России прослойки правящей элиты, сформировавшейся еще в 1980-е годы. Вместе с тем негативное влияние оказывает тот факт, что среди представителей немецкого внешнеполитического истеблишмента нет авторитетных специалистов по России масштаба Э.Бара или Х.Тельчика.

Некоторые влиятельные политики ФРГ, причем не только право-консервативной ориентации, все более склонны настаивать на решительном отказе от «излишней благотворительности» в отношениях с РФ. Эти тенденции могут усилиться в условиях продолжающегося экономического и социального кризиса в России, с одной стороны, и

достаточно напряженной социально-экономической ситуации в самой Германии, с другой. Следует также учитывать, что подобная позиция оказывает определенное влияние и на формирование нового поколения германских политиков, не чувствующих себя связанными «моральными обязательствами» перед Москвой в связи с ее ролью в объединении Германии и тем более не испытывающих «послевоенный синдром».

К сожалению, приходится констатировать, что российская сторона практически не использовала сравнительно недолгий, но весьма благоприятный период безоблачных отношений между нашими странами, сложившихся в первой половине 90-х годов в основном благодаря той роли, которую Россия сыграла в решении германского вопроса, а также благодаря досрочному выводу войск с немецкой территории. На прочном договорно-правовом фундаменте, заложенном усилиями руководителей и дипломатов обеих стран в процессе объединения Германии, пока так и не удалось возвести солидную конструкцию двусторонних отношений. Более того, за истекшие годы качество этих отношений заметно ухудшилось практически во всех областях (может быть, за исключением высшего уровня, где до последнего времени продолжала более или менее эффективно функционировать система консультаций, обеспечивающая высокую степень взаимопонимания сторон).

Серьезные разногласия по международным проблемам (расширение НАТО и ее роль и место в структуре безопасности на континенте, политика в отношении Ирака, урегулирование кризиса в Косово) дополняются явным регрессом в сфере экономических отношений, которые вступили в полосу затяжного кризиса. ФРГ остается на первом месте среди российских торговых партнеров в «дальнем зарубежье» (на нее приходится 17,5% общего товарообмена России с иностранными государствами), однако позиции нашей страны в германской внешней торговле значительно ослабли. Россия уступила Польше (за ней в 1996 г. следовала Чехия) позицию важнейшего торгового партнера ФРГ на Востоке. Удельный вес России в удовлетворении импортных потребностей ФРГ в целом составляет в стоимостном выражении 1,5%²⁶. Продолжает деградировать и структура российско-германского товарообмена. Активное сальдо торгового баланса на германском направлении (около 4 млрд марок) Россия зарабатывает в основном на энергоносителях, составляющих около 70% экспорта. Доля продукции машиностроения снизилась с 8% в 1992 г. до 2% в 1996 г. Не может не удручать тот факт, что и в германском экспорте в нашу страну резко сократилась доля машин и высокотехнологичного оборудования.

Разумеется, у Германии сохраняется определенный интерес к России в торгово-экономической области. Ряд крупных концернов (Рургаз, Мерседес, Сименс) реализуют проекты на российском рынке. Однако общий объем сотрудничества явно недостаточен с точки зрения российских интересов. Рейтинг России среди потенциальных германских инвесторов и кредиторов продолжает падать (по объемам капиталовложений в российскую экономику Германию опережают не только

²⁶ По отдельным категориям этот показатель значительно выше. На долю российских поставок приходится около 45% общего импорта ФРГ газа, 40% угля, 25% нефти.

США, но и такие страны, как Швейцария и Нидерланды). Идет их переориентация на другие рынки. Основные причины снижения интереса германских компаний и фирм к капиталовложениям в российскую экономику следующие.

Во-первых, многие потенциальные инвесторы предпочитают вкладывать средства в восточногерманские предприятия. Правительство ФРГ создало для этого все предпосылки, обеспечив благодаря различным льготным механизмам высокую доходность инвестиций в новых федеральных землях.

Во-вторых, как было отмечено выше, германские предприниматели сделали значительные инвестиции в экономику Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, которые создали весьма благоприятные условия для иностранных капиталовложений.

В-третьих, за последние годы и, в частности, уже после президентских выборов, инвестиционный климат в России не только не улучшился, а, наоборот, стал менее благоприятным. Тому есть ряд объяснений: политическая нестабильность, непоследовательность и противоречивость экономических реформ, несовершенство правового режима деятельности иностранных инвесторов, в том числе в части их налогообложения, отсутствие эффективных механизмов страхования, предоставления гарантий и защиты иностранных инвестиций. Ситуацию усугубили известные решения, принятые российским правительством 17 августа 1998 г.

Наконец, надо иметь в виду, что большинство крупнейших германских компаний уже осуществили в предшествующий период свои первоначальные капиталовложения в экономику России, несмотря на существовавшую опасность и возможные убытки. В то же время для подавляющего большинства мелких и средних фирм вышеперечисленные факторы являются достаточными для отсрочки инвестирования или вообще отказа от него.

Не следует недооценивать и степень влияния средств массовой информации. В общественном мнении ФРГ, формирующемся под активным воздействием СМИ, закрепляется негативный облик России как страны, все более деградирующей в технико-технологическом отношении, управляемой мафиозными структурами, где едва ли возможны цивилизованные экономические отношения.

В Германии начинают все более скептически относиться и к возможности более эффективного использования ресурсного потенциала России. Речь, в частности, идет о таких ограничительных факторах, как:

— относительно высокая стоимость добычи и транспортировки полезных ископаемых на большинстве российских месторождений в силу глубины разработок и значительной удаленности от потребителя;

— рост конкуренции на мировом рынке среди поставщиков аналогичных ресурсов;

— тенденция к сокращению специфического использования природных ресурсов в условиях сильной зависимости ситуации со сбытом от мировой конъюнктуры.

Кроме того, некоторые германские эксперты считают, что конец «сырьевого бума» не за горами. Между тем прогрессирующая ориентация на добычу и экспорт природных ресурсов обрекает Россию на сырьевой тип экономического развития, что не только резко снижает ее привлекательность как партнера для высокоразвитых индустриальных держав, но и может привести к отставанию в конкуренции с энергично развивающимися странами «третьего мира», которые все активнее выходят на мировой рынок с готовой продукцией.

На состоянии двусторонних отношений крайне негативно сказывается и отсутствие отлаженного механизма российско-германского сотрудничества. Увы, не предпринимаются и серьезные попытки создать механизм, который мог хотя бы отчасти восполнить вакуум, образовавшийся после разрушения прежних институтов сотрудничества (общества советско-германской дружбы, многочисленные программы обменов в области науки, культуры, образования и т.д.).

* * *

Выборы в бундестаг, состоявшиеся 27 сентября 1998 г., подвели черту под целым периодом новейшей истории ФРГ, который журналисты уже давно окрестили «эпохой Г.Коля». Как и ожидалось, победу на этих выборах одержали германские социал-демократы. Их правительство делает пока лишь первые шаги, однако можно предположить, что внешняя политика ФРГ в целом и ее отношения с Россией, в частности, в обозримом будущем не претерпят серьезных изменений. В пользу этого говорит, в числе прочего, и тот факт, что после окончания «холодной войны» СДПГ так и не сумела разработать собственную четкую внешнеполитическую платформу. Практически отсутствуют оригинальные концептуальные разработки в отношении новой архитектуры европейской безопасности. Вместе с тем это обстоятельство способствовало тому, что между партиями прежней правящей коалиции и СДПГ (тогда оппозиционной) фактически сложился достаточно устойчивый консенсус в части геополитических устремлений ФРГ.

В целом для внешнеполитического курса нового германского правительства будет, видимо, характерна большая напористость и энергия. Залогом этого служит властная и явно неординарная личность нового германского лидера Г.Шредера. Европейская политика ФРГ способна обрести новую динамику. Можно предположить, что взаимодействие СДПГ с другими правящими социал-демократическими, социалистическими и лейбористскими партиями по вопросам европейской интеграции обретет новую основу. Не следует забывать, что впервые в истории ЕС три крупнейших государства Союза – Германию, Францию и Великобританию – возглавляют близкие по духу левые правительства.

В то же время, видимо, к 2000 г. будет в основном решена проблема инкорпорации бывшей ГДР. Тем самым возрастут реальные возможности для германской экономической экспансии. Ее основным направлением станут, скорее всего, Польша, Чехия, Словакия, Венгрия,

страны Балтии, которые уже создали благоприятный климат для иностранных инвестиций. Это будет иметь негативные последствия (ведь финансово-экономические ресурсы даже такого мощного государства, как Германия, неограниченны) для ряда партнеров ФРГ, в том числе и России. Расширение НАТО, которое может произойти без должного учета интересов России, нанесет значительный ущерб европейской безопасности и приведет к появлению дополнительных осложняющих обстоятельств в развитии двусторонних отношений.

Что же касается многих россиян, то им, видимо, следует, распрощаться с иллюзией, будто германские социал-демократы, как некогда в прошлом, «близки нам по духу», и это обстоятельство облегчит нахождение с ними общего языка по тем или иным двусторонним или международным проблемам. Приходится констатировать, что накопленный в 70-е–80-е годы уникальный потенциал общения и взаимопонимания по линии КПСС – СДПГ в значительной степени утрачен (причем во многом по вине российской стороны). В сегодняшней СДПГ достаточно широко распространены весьма критические настроения в отношении внутривосточной ситуации в России. Проблему усугубляет тот факт, что в России отсутствует весомая партийно-политическая структура, которая могла бы выступать в качестве партнера СДПГ.

Тем не менее хочется верить, что наихудшего сценария удастся избежать: в более широком плане перспектива отношений между Россией и Германией остается достаточно позитивной. В известной мере залогом этого служит накопленный поколениями опыт. Он же свидетельствует и о том, что на протяжении последних столетий история Европы на ее переломных этапах формировалась вокруг стержня российско-германских отношений. Здесь хотелось бы привести слова известного германского политолога Х. Тиммермана: «Россия и Германия имеют так много общих интересов, что это обстоятельство будет постоянно побуждать их к тесному сотрудничеству»²⁷. От нашей активности и умения зависит то, насколько плодотворно и в какие исторические сроки будут использованы существующие возможности.

²⁷ Timmermann H.
*Rußland und
 Deutschland. Ihre
 Beziehungen als
 integraler
 Bestandteil
 gesamteuropäischer
 Kooperation //
 Berichte des BiOST.
 1995. № 39. S. 6.*